

like
book

RAY

BRADBURY

Now &

Forever



РЭЙ
БРЭДБЕРИ

Отныне

И ВОВЕК

МОСКВА

like
book

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury
NOW & FOREVER

Copyright © 2007 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Елены Петровой*

Оформление серии *Александра Кудрявцева*

Брэдбери, Рэй.

Б89 Отныне и вовек / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. Е. С. Петровой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (#правильные_книги).

ISBN 978-5-699-93551-2

Рэй Брэдбери всегда умел работать в разных жанрах и направлениях, ярко писать о таинственном настоящем и волнующем будущем. В этот сборник включены две повести, объединенные темой времени и бесконечности.

В «Где-то играет оркестр» писатель создает город-иллюзию, где все убаюкивает и успокаивает, но что-то тревожащее скрывается за этой идиллией. «Левиафан-99» открывает новую грань таланта Брэдбери. Герои повести, отчаянные покорители космоса, стремятся к несбыточной мечте. Они готовы бороться и терпеть неудобства, если будущее сулит новый, прекрасный мир. «Отныне и вовек» — книга, подтверждающая многогранность дарования великого мастера.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Петрова Елена, перевод
на русский язык, 2017

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-699-93551-2

ООО «Издательство «Э», 2017

Где-то играет
оркестр

«ГДЕ-ТО ИГРАЕТ ОРКЕСТР»

Некоторые истории, будь то рассказы, повести или романы, создаются, как вы, наверное, догадываетесь, в результате какого-то одного, мгновенного, ясного озарения. Другие же рикошетом отскакивают от самых разных событий, составляющих нашу жизнь, и лишь по прошествии времени объединяются в законченное произведение.

Когда мне исполнилось шесть лет, мой отец, заядлый путешественник, перевез нас по железной дороге в Тусон, штат Аризона, где мы прожили ровно год в эпоху значительных перемен; для меня это было время увлекательных открытий. Городок, тогда еще совсем небольшой,

стремительно развивался. Что может быть интереснее, чем расти вместе с городом? Там было вольготно, да к тому же у нас подобралась отличная компания.

Через год мы вернулись в Уокеган, штат Иллинойс, где я родился и провел первые годы жизни. Но в двенадцать лет меня опять увезли в Тусон, и новый переезд принес мне еще более увлекательные открытия, потому что жили мы за городом и я бегал в школу через пустыню, разглядывая по дороге диковинные кактусы, проворных ящериц, пауков, а иногда и змей; именно тогда, в седьмом классе, я начал писать.

Много позже, когда я провел почти год в Ирландии, где писал для Джона Хьюстона сценарий по роману «Моби Дик», мне попались на глаза произведения канадского юмориста Стивена Ликока. Среди всего прочего я обнаружил совершенно очаровательную книжицу, озаглавленную «Солнечные зарисовки маленького города».

Увлечшись этой книжкой, я даже пытался уговорить студию «Метро-Голдвин-Майер» снять по ней фильм. Напечатал несколько пробных страниц, чтобы показать, какой видится мне будущая экранизация. На студии не про-

явили к этому ни малейшего интереса, и у меня осталось начало сценария, воссоздающего атмосферу провинциального городка. При этом я не мог выкинуть из головы любившийся мне Тусон, исхоженный мною вдоль и поперек сначала в шесть лет, а потом в двенадцать, и сам начал писать пьесу и рассказ о городе, затерянном среди пустынь.

В те годы я нередко видел Кэтрин Хепберн, как в жизни, так и на экране; ее неувядаемая юность вызывала у меня огромное восхищение.

В 1956 году, когда ей было уже под пятьдесят, она снялась в фильме «Лето». Эта роль, можно сказать, заставила меня сделать ее главной героиней рассказа, тогда еще безымянного, но с очевидностью приближавшего меня к повести «Где-то играет оркестр».

А лет тридцать назад я посмотрел фильм «Ветер и лев» с Шоном Коннери; там звучала потрясающая музыка Джерри Голдсмита. Она так меня захватила, что я подобрал ее по слуху и сочинил слова — длинное стихотворение, которое легло на эту волшебную мелодию.

Так образовался еще один фрагмент мозаики под названием «Где-то играет оркестр»; между

тем я начал работу над произведением, замысел которого еще не имел четких очертаний, хотя эпизоды, с моей точки зрения, наконец-то связались воедино: год жизни в Тусоне, когда мне было шесть лет; еще один год жизни там же, но уже в двенадцатилетнем возрасте; калейдоскоп впечатлений от Кэтрин Хепберн, в том числе и от ее блистательной актерской работы в фильме «Лето», а также мои стихи на музыку из фильма «Ветер и лев». Все это удачно сложилось вместе и подтолкнуло меня к написанию объемного пролога, за которым появилась на свет и сама повесть.

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, как мне повезло: у меня скопились разные наметки, которые все время были под рукой и в конечном счете срослись в единое повествование — «Где-то играет оркестр». Еще мне повезло в том, что на моем пути встретилось немало помощников и помощниц. Одна из них, причастная к появлению этой повести, — моя добрая фея Энн Хардин, которая в последние годы приложила немало усилий к тому, чтобы это произведение увидело свет. Недаром ее имя стоит в посвящении.

Не скрою, у меня долгие годы теплилась надежда закончить повесть в обозримые сроки, чтобы сделать по ней пьесу или сценарий для Кэтрин Хепберн без оглядки на ее возраст. Кэти терпеливо ждала, но время шло, она стала уставать и в конце концов покинула этот мир. Единственное, что теперь в моих силах, — посвятить ей эту историю.

*Посвящается
Энн Хардин и Кэтрин Хепберн,
с любовью*

ГЛАВА 1

В пустынной местности вольготно было ветру, солнцу и кустам полыни, да еще тишине, которая робко тянулась кверху вместе с полевыми цветами. Сквозь эту тишину пролегали рельсы, и сейчас они задрожали.

Направлением с востока мчался, пыхтя огнем и паром, темный железнодорожный состав, который с грохотом проскочил мимо станции. Он едва-едва замедлил ход у платформы, усыпанной кружочками конфетти, — здесь проводники в незапамятные времена компостировали билеты. Локомотив притормозил ровно настолько, чтобы из вагона, как из катапульты, успел вылететь одинокий саквояж, за которым выпрыгнул

и по инерции пробежал вперед молодой человек в неглаженном летнем костюме; поезд с ревом помчался дальше, словно знать не знал ни этой платформы, ни саквояжа, ни его владельца, а тот, спотыкаясь, сделал еще несколько шагов и остановился, чтобы оглядеться, благо пыль уже слегка осела и в предрассветной дали проступили силуэты домов.

— Черт побери, — забормотал он. — Оказывается, тут что-то есть.

Ветер развеял пыль, приоткрыв еще какие-то крыши, шпили и верхушки деревьев.

— Зачем? — спросил он шепотом. — Почему я здесь?

И еле слышно ответил самому себе:

— Потому что.

ГЛАВА 2

Потому что.

В полусне прошлой ночи ему являлись слова, проступавшие на внутренней стороне век. С закрытыми глазами он читал бегущие строки:

Где-то играет оркестр,
И трубы его слышны
Подсолнухам и матросам
На службе чужой луны.

Частая дробь барабана
Дрожит под пятой времен
И летние помнит туманы,
И год, что еще не рожден.

— Погоди-ка, — услышал он свой голос. Стоило ему открыть глаза, как слова исчезли. Он

оторвал голову от подушки, но передумал и снова улегся.

И опять на внутренней стороне закрытых век читалось, как по писаному:

Грядущее видится былью
И пахнет седой стариной
И древней египетской пылью,
Сиренью и мглой ледяной.

Персик, созревший на ветке,
Солнцем согрел мирок,
Где мумия в каменной клетке
О будущем даст урок.

Тут веки у него дрогнули и сами собой крепко зажмурились, словно желая кое-что подправить, а то и стереть дочиста.

Потом он стал глядеть в темноту, и строчки заново поплыли в сумерках его сознания, а слова были такие:

Дети выходят на берег,
Чертят судьбу на песке,
Смерти они не верят,
Что бродит невдалеке.

Где-то играет оркестр.
Лето плывет вперед.
Здесь никому не спится
И больше никто не умрет.